

М. Р. ФЕДОТОВ (Чебоксары)

ПРОШЕДШЕЕ НЕОЧЕВИДНОЕ ВРЕМЯ В ЧУВАШСКОМ И МАРИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

1. В чувашском языке неочевидное время представляет собой причастие прошедшего времени с аффиксом *-нӑ* (*-нӗ*) в положительной форме (*кай-нӑ*, *кил-нӗ*, *су-нӑ*, *сӳ-нӗ*) и аффиксом *-н* в отрицательной (*кай-ма-н*, *кил-ме-н*, *су-ма-н*, *сӳ-ме-н*). Указанная форма во всех лицах и числах остается неизменной.

2. В марийском языке прошедшее неочевидное время образуется прибавлением к основе глагола аффиксов *-ын* [*ɛn*] в I спряжении и *-ен* [*en*] во II спряжении. От этой формы образуются формы лица и числа с помощью вспомогательного глагола *ул-аш* 'быть, являться', который при этом теряет корень-основу.

I спряжение, 'читать'

1 л. <i>мый луд-ын-ам</i> (< улам)	<i>ме луд-ын-на</i> (< улына)
2 л. <i>тый луд-ын-ат</i> (< улат)	<i>те луд-ын-да</i> (< улыда)
3 л. <i>тудо луд-ын</i>	<i>нуно луд-ын-ыт</i> (< улыт)

II спряжение, 'писать'

1 л. <i>мый воз-ен-ам</i> (< улам)	<i>ме воз-ен-на</i> (< улына)
2 л. <i>тый воз-ен-ат</i> (< улат)	<i>те воз-ен-ат</i> (< улыда)
3 л. <i>тудо воз-ен</i>	<i>нуно воз-ен-ыт</i> (< улыт)

3. Существует ли генетическая связь между чув. *-нӑ* (*-нӗ*) и мар. *-ын* (*-ен*)? Чтобы ответить на этот вопрос, следует остановиться на этих формах подробнее.

3.1. Марийские слова типа *луд-ын*, *воз-ен* представляют собой в современном языке деепричастия. Финно-угроведы, в частности марийские лингвисты, считают, что *н*-овые деепричастия возникли из *н*-овых причастий, от последних развились формы неочевидного (второго прошедшего) времени. Соответствия мар. *-ын* (*-ен*) имеются во всех родственных финно-угорских языках.¹

3.2. Между тем некоторые тюркологи своеобразие чувашского прошедшего причастия, являющегося формой неочевидного времени, склонны связывать с финно-угорской субстратной формой и, прежде всего, с марийским показателем *-ын* (*-ен*).

В. В. Радлов, будучи убежден в нетюркской основе чувашского языка, причастие прошедшего времени на *-нӑ* (*-нӗ*) считал реликтом

¹ И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка. Морфология I, Йошкар-Ола 1964, стр. 168—169.

чувашского языка дотюркской эпохи.² Такого же мнения придерживается М. Ряснян, который причастие претерита на *-нӑ* считает заимствованием из марийского языка.³

Б. А. Серебренников, говоря о роли взаимодействия чувашского и марийского языков в процессе формирования системы глагольных времен, указывает на «абсолютное тождество» второго прошедшего (неочевидного) времени, образованного в марийском языке с помощью аффикса *-ын (-ен)*, в чувашском — *-нӑ (-нӗ)*.⁴

И. А. Андреев сравнивает чувашское причастие прошедшего времени на *-нӑ (-нӗ)* с марийским пассивным причастием на *-мо (-мӧ, -мӗ, -ме, -мы)*⁵, которое в зависимости от контекста может соответствовать настоящему или прошедшему времени: *лудмо книга* 'читаемая или прочитанная книга'. Мы считаем, что данная марийская форма по своему внешнему облику, а также выражаемым значениям не подтверждает гипотезу о марийском происхождении чув. *-нӑ (-нӗ)*, в чем сомневается и ее автор.

4. Мы не ответили на вопрос, почему исследователи чувашско-марийских языковых взаимовлияний ограничиваются приведением почти созвучных форм чув. *-нӑ (-нӗ)* и мар. *-ын (-ен)*. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что они учитывают лишь официальную грамматику литературного языка, где отсутствует как раз та форма деепричастия, пренебрежение которой приводит к неверным последствиям.

4.1. Слова типа *луд-ын, воз-ен* в современном марийском языке, как уже отмечено, представляют собой деепричастия, равные по функции и значению чувашским деепричастиям на *-са (-се)*, которые выступают в предложении в роли сказуемого самостоятельно или в сочетании с различными вспомогательными глаголами: мар. *каен тол* = чув. *кайса кил* 'сходить', мар. *налын кай* = чув. *илсе кай* 'унести, захватить с собой', мар. *ойыран нал* = чув. *уйӑрса ил* 'выбрать', мар. *шотлен пытар* = чув. *шутласа пӗтер* 'сосчитать, счесть'. В приведенных аналитических конструкциях марийские деепричастия на *-ын (-ен)* ни при каких условиях нельзя заменить чувашскими причастиями на *-нӑ (-нӗ)*, ибо это было бы абсурдом.

Такое же семантическое соответствие выдерживается между чув. *-са (-се)* и мар. *-ын (-ен)*, когда в роли *verbum finitum* выступает самостоятельное деепричастие. Примеры: мар. *Москваште ме Москва—Волга каналым уж-ын-на* = чув. *Мускавра эфир Мускав—Атӑл каналне курса* 'в Москве мы видели канал Москва—Волга'; мар. *кастене ме оперный театрик кий-ен-на* (орф. *каенна*) = чув. *каҫхине эфир опера театре кайса* 'вечером мы ходили в оперный театр'; мар. *Москва мыланна пеш келш-ен*⁶ = чув. *Мускав пире пит килӗше* 'Москва нам очень понравилась'.

Все приведенные чувашские предложения с самостоятельными сказуемыми на *-са (-се)* в печати не употребляются, их заменяют скорее всего причастной формой на *-нӑ (-нӗ)*. Ученый же будет сравнивать чув. *-нӑ (-нӗ)* с созвучным мар. *-ын (-ен)* с точки зрения единства их происхождения.

² W. Radloff, *Alttürkische Studien VII. Die alten Türksprachen und die Sprache der Tschuwaschen*, 1916 г. Хранится в Ленинградском отделении Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, № 30.

³ М. Ряснян, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, Москва 1955, стр. 136.

⁴ Б. А. Серебренников, *Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп*, Москва 1960, стр. 263—265.

⁵ И. А. Андреев, *Причастие в чувашском языке*, Чебоксары 1961, стр. 81.

⁶ Я. Г. Григорьев, *Марийский язык*, Йошкар-Ола 1953, стр. 45.

5. Возведение чув. *-нӑ* (*-нӛ*) к мар. *-ын* (*-ен*) неправоммерно с точки зрения их происхождения. Мы уже отметили, что исследователи марийского языка для *-ын* (*-ен*) нашли родственные формы в других финно-угорских языках. Чув. *-нӑ* (*-нӛ*) в других тюркских языках точных соответствий не имеет. Это обстоятельство ведет к возникновению разного рода предположений.⁷ Мы за Г. И. Рамstedтом считаем, что чувашское причастие непосредственно связано с древнейшей именной формой на *-н* (после согласного соединительный гласный *+н*), представляющей собой отглагольное прилагательное с более или менее выраженным префектным значением, но оно уже в древнетюркском языке было вытеснено образованием на *-ган*, представляющим собой имя на *-н* от вторичной глагольной основы на *-га*. Старое же причастие на *-н* ныне живет только в чувашском языке, хотя оно осложнилось кратким конечным гласным: *пулнӑ* 'бывший, ставший' (< *болун*), *илнӛ* 'взявший' (< *алын*), *янӑ* 'пославший' (< *ыдын*), *парнӑ* 'давший' (< *бӛрин*) и т. д.⁸

6. Сказанное приводит к выводу, что чувашская форма неочевидного времени может реализоваться не только причастием на *-нӑ* (*-нӛ*), но и деепричастием на *-са* (*-се*), которые нельзя рассматривать как заимствования из марийского языка.

Что касается деепричастия на *-са* (*-се*), то оно требует специального исследования; однако его происхождение тюркское, поскольку «это образование, еще сохранившееся в чувашском языке как продуктивное, зафиксировано также в др.-тюркском» в форме *-ча*: *болча* вместо *болса*, *болчун* вместо *болсун*.⁹

⁷ И. А. Андреев, указ. раб., стр. 80—84.

⁸ Г. И. Рамstedт, Введение в алтайское языкознание, Москва 1957, стр. 91—92, 134.

⁹ Там же, стр. 121.

M. R. FEDOTOV (Сeboksary)

DIE ZUSTANDSVERGANGENHEIT IM TSCHUWASCHISCHEN UND MARISCHEN

Der Autor kommt zur Schlußfolgerung, daß die tschuwaschische Zustandsvergangenheit (eigentlich Hörensagenvergangenheit) nicht nur durch das Partizip auf *-нӑ* (*-нӛ*), sondern auch durch das Gerundiv auf *-са* (*-се*) ausgedrückt wird, die keineswegs als Lehnwort aus dem Marischen zu betrachten sind.